

УДК 341.231.14(470)6(092)Есенин-Вольпин А.С.
ББК 66.71(2Рос),8Есенин-Вольпин А.С.,3
DOI 10.25281/2072-3156-2020-17-1-48-60

Е.Г. СЕРЕБРЯКОВА

ИДЕНТИЧНОСТЬ «ПРАВозащитник» В АКСИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ АЛЕКСАНДРА ЕСЕНИНА- ВОЛЬПИНА

Елена Геннадьевна Серебрякова,

Воронежский государственный университет,
факультет философии и психологии,
кафедра истории философии и культуры,
доцент
Университетская пл., д. 1, Воронеж, 394018, Россия

кандидат филологических наук, доцент
ORCID 0000-0002-5281-8192; SPIN 2777-8959
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

Реферат. Объектом исследования является социальная позиция и личностная аксиология поэта, философа и математика Александра Есенина-Вольпина. Со второй половины 1960-х до середины 1980-х гг. правозащитное движение составляло ядро советского диссидентства, и анализ личностной аксиологии и социальной позиции основателя движения

позволит осмыслить специфику коллективной идентичности и поведенческой модели «правозащитник». Цель данной работы – выявить истоки формирования и специфику поведенческого образца «правозащитник», постепенно вытеснявшего из неконформистской риторики и социальной практики модель «защитник», охарактеризовать аксиологию и типологию правозащиты. Материалом исследования послужили работы А. Вольпина «Юридическая памятка» и «Свободный философский трактат».

Автор статьи утверждает, что модель социального поведения «правозащитник» возникла в практике неконформистов во время судебного процесса Синявского и Даниэля. Она отличается от модели «защитник», реализованной либеральной интеллигенцией в деле Бродского. «Защитник» руководствуется безусловной ценностью личности, предлагает

власти при вынесении приговора учитывать личностные особенности подсудимого, что означает избирательный подход к закону. Для «правозащитника» закон универсален, соблюдение закона не только гражданами, но и государством есть гарантия справедливости.

А. Вольпин заложил несколько тезисов в основу идеологии и аксиологии правозащиты: государство является субъектом права, обязанным не только формулировать законы для граждан, но и само выполнять предписанные нормы; советские законы призваны ограничивать диктат государства и защищать граждан; граждане обладают юридическими правами защищать себя от противоправных действий государства.

Первая практическая реализация данных идей – «Митинг гласности» – показала неподготовленность власти к предложенной модели поведения. Однако мотивация участников митинга преимущественно укладывалась в «защитную» парадигму, правозащитная логика действий и риторика осваивались сообществом постепенно. «Юридическая памятка» была написана А. Вольпиным для просвещения нонконформистов и популяризации правозащитных идей.

В статье сделан вывод о том, что благодаря деятельности А. Вольпина апелляция к праву и закону постепенно становится привычным риторическим приемом в литературно-публицистических высказываниях и социальных акциях диссидентов.

Ключевые слова: А. Есенин-Вольпин, нонконформисты, правозащитное движение, диссиденты, «Митинг гласности», «Свободный философский трактат», суд над Синявским и Даниэлем, «Юридическая памятка» (второе название «Памятка для тех, кому предстоят допросы»), социокультурная идентичность, культура социальной коммуникации, культура и личность.

Для цитирования: Серебрякова Е.Г. Идентичность «правозащитник» в аксиологии и социальной практике Александра Есенина-Вольпина // Обсерватория культуры. 2020. Т. 17, № 1. С. 48–60. DOI: 10.25281/2072-3156-2020-17-1-48-60.

Современные отечественные [1; 2] и зарубежные [3; 4] ученые, классифицируя советское диссидентство 1960–1970-х гг., характеризуют правозащитное движение как численно наиболее представительное и социально мобильное, А. Даниэль называл защиту прав человека «общим знаменателем разнообразных общественных интересов» [5], а Р.Л. Тёкеш, оценивая движение протеста в СССР, отмечал его «морально-абсолютистский» дух, определившей социальные акции «правозащиты» [6]. Именно в среде правозащитников вырабатывались новые стратегии гражданского поведения и способы самовыражения всего сообщества, задававшие парадигму движения нонконформистской мысли. Методологом советской правозащиты был поэт, философ и математик Александр Есенин-Вольпин [7]. Первую часть своей фамилии он, по собственному признанию, получил от миграционных властей США, и в СССР никогда не подчеркивал, что является сыном С. Есенина, обходясь фамилией матери [8]. Анализ личностной аксиологии и общественного поведения А.С. Вольпина позволит охарактеризовать идентичность «правозащитник», выявить истоки формирования и специфику поведенческого образца, постепенно вытеснявшего из нонконформистской риторики и социальной практики модель «защитник».

ОТ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО ОБРАЗЦА «ЗАЩИТНИК» К МОДЕЛИ «ПРАВАЗАЩИТНИК»

Властителями дум нонконформистов конца 1950–начала 1960-х гг. были писатели, отстаивавшие право художника на свободу слова, пытавшиеся освободиться от гнета цензуры. В социальной практике либеральная интеллигенция начала «оттепели» ориентировалась на культурный образец «защитник», сформированный литераторами Нового и Новейшего времени (Вольтером, Э. Золя, В. Короленко и др.) и оказавшийся

востребованным вновь — в силу преследования инакомыслящих.

«Защитник» руководствуется в социальной практике следующими мировоззренческими принципами:

- ◆ человек — высшая ценность;
- ◆ закон — средство защиты личности;
- ◆ закон не должен быть выше морали и милосердия.

Защитная риторика использовалась неконформистами в деле Бродского. В телефонных и эпистолярных ходатайствах на имя руководителей различного уровня (от первого секретаря Ленинградского обкома партии до Генерального секретаря ЦК КПСС) друзья поэта (Ф. Вигдорова, Л. Чуковская, Л. Копелев и др.) стремились убедить представителей власти в несправедливости приговора и выдвигали этические аргументы: говорили о самобытности таланта, праве начинающего литератора посвятить себя творчеству в ущерб социальному благополучию и т. п. Интеллигенция, борясь за оправдание И. Бродского, по сути, предлагала власти аналог индивидуального подхода в педагогике: при определении меры за правонарушение суду рекомендовалось учитывать весь спектр личностных особенностей подсудимого и подходить к вынесению приговора избирательно. Эту позицию определяло не пренебрежение к закону, а стремление его гуманизировать.

Д. Козлов отметил в культуре второй половины 1960—1970-х гг. повышенное внимание общественности, как европейской, так и советской, к вопросам права. Соблюдение духа и буквы закона виделось в Европе гарантией от рецидивов фашизма, а в Советском Союзе — от повторения сталинизма [9, с. 183—204]. Правозащитная деятельность советских неконформистов, таким образом, соответствовала парадигме европейского и отечественного общественного сознания. А. Вольпин теоретически обосновал и практически реализовал эту интенцию.

Уровень правового сознания советских людей оценивался А. Вольпиным как катастрофический: представителям власти «идеология заменила <...> логику, идеология была для них выше логики, они одно выдавали за другое». Но так же мыслила и интеллигенция: «Никто

серьезно к закону не относился» [10, с. 69]. Апелляция к логике как к инструменту правового регулирования неслучайна. Будучи математиком и логиком, А. Вольпин осмысливал законы как систему силлогизмов, в которой четко и недвусмысленно сформулированные законодательные категории, например «клевета», «преступление», «антисоветская агитация», подкрепленные логично построенными суждениями, приводят к верному выводу. Логика, таким образом, дает навыки безошибочного мышления, с ее помощью можно избежать подмены правовых норм идеологическими заклинаниями.

Фундаментальным суждением А. Вольпина являлось следующее: граждане и представители власти — рационально мотивированные агенты. Государство является субъектом права, обязанным не только формулировать законы для граждан, но и выполнять предписанные нормы. Советское законодательство, хотя и закрепляет руководящую роль Коммунистической партии и чиновничьего аппарата, призвано защищать граждан, ограничивая диктат государства. Отсюда проистекало требование, предъявляемое А. Вольпиным к государству: осознать себя субъектом права и исполнять собственные законы. Если же власть систематически нарушает закон и поощряет произвол чиновников и сотрудников карательных ведомств, граждане обязаны противодействовать ущемлениям своих прав и свобод, репрессиям и политически мотивированным преследованиям. Одним из способов может быть систематическая организация митингов протеста. Демонстративность акций не является самоценной, а должна выполнять просветительскую и правозащитную функции — «приучать» государство и общественность к ценности закона, утверждать незыблемость гражданских прав и свобод личности.

Показательно, что идеи А. Вольпина синхронизируются с логикой движения советской правовой системы. В 1950—1960-е гг. в законодательстве был произведен ряд преобразований. В 1953 г. были отменены Особые совещания, выносить приговоры мог отныне только суд; в 1958-м — институт аналогий, преступлением объявлено действие, предусмотренное Уголовным кодексом. В 1959 г. несколько

смягчены сроки наказаний; в 1962-м — Основы гражданского законодательства согласованы с Декларацией прав человека и зафиксировано право выбора места жительства без ограничения его рамками Советского Союза. Внимание к вопросам права, таким образом, у А. Вольпина и у государства было общим.

Разногласия начинались в практической реализации правовых норм. А. Вольпин как логик требовал распространять действие закона не только на граждан, но и на государственные институты. Представители власти руководствовались принципом партийной целесообразности. Толкование законов, правоприменительная практика считались исключительно компетенцией государства, не подлежащей критике.

«МИТИНГ ГЛАСНОСТИ»: ТРЕБОВАНИЯ К ГОСУДАРСТВУ СОБЛЮДАТЬ КОНСТИТУЦИЮ

Первой публичной акцией, воплотившей правозащитные идеи А. Вольпина, стал «Митинг гласности», проведенный на Пушкинской площади 5 декабря 1965 года. Поводом послужил арест А. Синявского и Ю. Даниэля. Показательно, что сам инициатор массового действия не читал текстов писателей. По его глубокому убеждению, профессия арестованных не имела ни малейшего значения, любой гражданин имеет право на свободу слова, публикация произведений за рубежом под псевдонимом не является преступлением и не подлежит юридическому наказанию. Вот что говорил А. Вольпин о возникновении идеи митинга: «Помню тогда, в сентябре 65-го, я бродил в Голицыно в роще один и думал: что-то же надо делать. И тут мне пришло в голову, что эти черти наверняка будут закрытое судебное дело вести. Так самое время требовать гласности суда! Пусть они осудят ребят, но пусть слова, вроде сказанных Шатуновским на моем с ним процессе: “С нашей партийной точки зрения не имеет значения общечеловеческое

понятие клеветы” — пусть вся эта псевдоаргументация прозвучит не на гражданском, а на уголовном процессе» (в 1963 г. А. Вольпин подавал иск о защите чести и достоинства против журналиста И. Шатуновского, обвинившего его в клевете на советский строй. Иск удовлетворен не был — Е. С.) [10, с. 73]. Как видим, инициатор митинга рассчитывал, что процесс станет саморазоблачением советского судопроизводства: неправовой характер предъявленных обвинений вскрыется со всей очевидностью. Обратим внимание на фразу «пусть они осудят ребят, но...». Это позиция защитника права, убежденного в абсолютной ценности закона, который должен очиститься от идеологии и наконец обрести свою подлинность и рациональность. Сравним ее с реакцией А. Ахматовой (зафиксированной Л. Чуковской, изумленной невысоким, как она считала, качеством прозы А. Синявского и Ю. Даниэля): «Ах, при чем тут хорошая проза, плохая проза... Надо одно: чтобы эти люди не попали на каторгу» [11, с. 309]. Данная позиция является защитной по отношению к людям, подпавшим под репрессии. Это различие между защитниками А. Синявского и Ю. Даниэля и правозащитником А. Вольпиным принципиально. Дальнейшие рассуждения выстроены по законам формальной логики: «Хотя в общем-то природа процесса одна. Чем больше будет таких случаев, тем быстрее этим репрессиям будет положен конец. Потому что в конце концов это бьет по властям. Им просто будет не в расчет ловиться на том, что их собственные суды так трактуют законы — и все это лишь для того, чтобы остановить какого-нибудь более-менее двусмысленного автора, печатающегося за границей, да еще под псевдонимом» [12]. Как видим, А. Вольпин рассчитывал пробудить правовое самосознание соотечественников и прагматизм представителей власти, способной осознать нелепость гонений на инакомыслящих и остановиться в своих противоправных акциях. Власть должна была услышать общество и изменить характер социальных взаимоотношений — к такой цели стремился инициатор митинга. Она, как говорилось, не сводилась к защите конкретных лиц, а имела правовой, просветительский и этический характер.

Этим целям соответствовало и «Гражданское обращение», составленное в соавторстве с В. Никольским, Ю. Титовым и Е. Строевой. В воззвании были четко сформулированы требования — гласный суд над А. Синявским и Ю. Даниэлем, соблюдение в ходе уголовного процесса конституционных прав граждан. Особо оговаривалось поведение участников митинга: оно не должно быть провокационным, только демонстративным. Остаться в рамках закона было принципиально.

Первоначальный план в ходе подготовки был несколько скорректирован. Организаторы предлагали различные места проведения: перед зданием ЦК КПСС, чтобы акцентировать идею предполагаемого диалога с властью; напротив редакции газеты «Известия», тогда очевиднее становилось требование гласности суда над арестованными, поскольку предавать события гласности — прерогатива СМИ. Выбранный адрес — Пушкинская площадь — был предложен Е. Строевой и не казался А. Вольпину удачным. Он, как говорилось, был категорическим противником «литературного» митинга, для него речь шла о соблюдении Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РСФСР. Однако, какое бы место ни предлагалось, оно, по общему решению, должно было иметь символическое значение. Той же цели соответствовала и дата мероприятия — 5 декабря, День Конституции СССР: требование гласного суда, как и проведение митинга, носили конституционный характер. Таким образом, акция изначально осмысливалась как знаковое событие в жизни общества.

Акция была адресована власти и общественности. Категоричность лозунгов «Уважайте Конституцию!» (неиспользованная версия А. Вольпина — «Соблюдайте Конституцию!») и «Требуем гласного суда над Синявским и Даниэлем!» свидетельствовала о серьезности мотивации участников: они не намерены просить или отступать, их требования законны и справедливы. Организаторы митинга исходили из убеждения в неподготовленности власти к подобным акциям. Действительно, участники были арестованы, но вечером того же дня отпущены: предъявлять им юридические обвинения, как предвидел А. Вольпин, было не в чем. Ответ последовал через год: Уголовный

Кодекс (УК) был дополнен тремя «антидиссидентскими» статьями: 190-1 — «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», 190-2 — «Надругательство над Государственным гербом или флагом», 190-3 — «Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок» [13]. Репрессивная реакция властей подтвердила вывод диссидентов о неспособности государства вести диалог с обществом, усилила отчуждение части интеллигенции и породила новые оппозиционные действия.

Другим адресатом митинга была общественность, которая, по замыслу А. Вольпина, должна была проявить гражданское самосознание. Эта цель может быть признана достигнутой весьма условно. По воспоминаниям Л. Алексеевой, И. Якир, В. Вольпиной и других очевидцев, большинство свидетелей митинга (порядка 150 против 50 демонстрантов) явилось на Пушкинскую площадь из любопытства, желая, по словам В. Янкова, посмотреть на «что-то такое необычное, интересное» [12]. Большая часть демонстрантов руководствовалась защитной позицией, выраженной А. Ахматовой. И. Якир признавалась: «Для меня это было совершенно конкретно: демонстрация именно в защиту Синявского и Даниэля. Юридическую идею Александра Сергеевича Вольпина я до сих пор с трудом перевариваю» [12]. Как видим, логика поступков, мотивация участников и свидетелей митинга были весьма разнообразными, но вовсе не адекватными замыслу организатора.

Гражданская реакция наступила несколько позже. Митинги и демонстрации были признаны нонконформистским сообществом эффективным способом выражения протестных настроений. А. Даниэль замечал по этому поводу: «Сама возможность публичного протеста против беззакония и произвола поразила воображение многих. Переворот в представлениях о границе возможного и стал тем психологическим фундаментом, на котором выросло независимое общественное движение конца 1960-х — начала 1980-х гг.» [12]. С ним солидаризировался Б. Натанс: «Вольпин был первым, кто применил правовой подход системно и публично, максимизируя его универсальную

применимость и, следовательно, его неизбежную политическую значимость. Несмотря на то, что Вольпина вряд ли можно считать типичным для «правозащитников», не говоря уже о диссидентском движении в целом, эволюция его мысли и практики была необходимой для истории этого движения» [7, р. 663].

Действительно, аксиология и идеология «правозащиты» базировались на принципах, сформулированных А. Вольпиным:

- ◆ закон есть гарант справедливости;
- ◆ его действие универсально и распространяется как на граждан, так и на государственные институты;
- ◆ борьба за права человека и гражданина законна и справедлива;
- ◆ инакомыслие не является преступлением.

Реализация данных принципов в социальной практике предполагала публичность, гласность, требования к государству соблюдать закон. В риторике нонконформистов этическая аргументация дополнилась юридической, коммуникация с государством приобрела категоричный характер.

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ПАМЯТКА» КАК СРЕДСТВО ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И САМОЗАЩИТЫ НОНКОНФОРМИСТОВ

Правовое поведение граждан, по мнению А. Вольпина, невозможно без грамотности в вопросах законодательства и навыков ведения юридического диспута. Этими мотивами он руководствовался при создании «Юридической памятки» диссидентам, вызванным на допрос (1968, другой вариант названия — «Памятка для тех, кому предстоят допросы»). Автор настаивал: «Во время допроса поздно начинать определять свою позицию и вырабатывать линию поведения — тот, кто допрашивает, знает свое дело и должен уметь переиграть неподготовленного. Поэтому, если вы опасаетесь допроса <...>, готовьтесь к нему заранее. <...> Иначе вы с самыми лучшими намерениями можете запутаться и предать тех, кого не хотите» [14, с. 70]. Как видим, текст

имел многофункциональное назначение: прагматическое — как практический инструктаж, юридическое — как правовое просвещение инакомыслящих, этическое — как предупреждение невольного доноса на единомышленника из-за неопытности или психологической неподготовленности.

Главная мысль памятки заключается в том, что допрашиваемый может защитить себя и друзей, используя свои гражданские права и оставаясь при этом в рамках закона. Поведенческие рекомендации автора носили совершенно конкретный характер: допрашиваемому рекомендовалось обратиться к следователю с вопросом: «По какому делу вы меня вызвали?», уточнять любой вопрос встречным: «А какое отношение то, о чем вы меня спрашиваете, имеет к делу, по которому вы меня вызвали?». И, наконец, используя статью УПК, допускающую право на самооборону, вообще отказаться давать показания на себя самого, поскольку инакомыслие не является преступлением и не должно быть наказуемо. Иначе говоря, на допросе предлагалось использовать методику научного диспута: конкретизировать понятия и формулировки, не позволять следователю отклоняться от сути и нарушать законы логики во имя достижения противоположных целей.

Четкость рекомендаций и скрупулезная проработанность всех деталей документа делала его чрезвычайно ценным подспорьем, а главное, меняла модель поведения допрашиваемого. Вместо привычной во время допроса обороны он демонстрирует нападение — тактически более эффективную позицию. Диссиденты быстро оценили практическую пользу памятки и составили по ее образцу аналогичные тексты: «Пособие по психиатрии для инакомыслящих» (В. Буковский, С. Глузман, ок. 1974–1975), «Как быть свидетелем» (В. Альбрехт, 1976). Так из конкретных рекомендаций, основанных на личном опыте авторов, слагался поведенческий опыт сообщества.

Примечательно, что А. Вольпин и его последователи повторили путь, проделанный русскими революционерами 60-х гг. XIX века. Как отмечал Н. Троицкий, первые попытки составления практических рекомендаций поведения после ареста и на суде предприняли народо-

вольцы. Осмысленная в ряде статей («Готовящийся процесс», «Процесс», «Новый разгул сыщиков», «Государство в опасности») лондонского журнала «Вперед!» 1860–1870-х гг. традиция приняла законченную форму в уставах «Земли и Воли» и «Народной воли» [15, с. 93–101]. Правда, позиция борцов с режимом разных поколений совпадает не во всем. Народовольцы, не полагаясь на законность царского судопроизводства, апеллировали к этике революционера: редактор журнала П. Лавров «не считал возможным использовать в интересах революции какие-либо процессуальные достоинства реформированного суда и поэтому вдохновлял подсудимых не столько на борьбу, сколько на мученичество: “Ваш мученичество есть, может быть, ваше последнее оружие. Выковывайте его крепче и чище. Ваша энергия может воодушевить многих. Ваше слабодушие может ослабить еще большее число”» [15, с. 94]. Правозащитники же намеревались говорить о законе на юридическом языке и использовать правовые нормы.

Едва ли А. Вольпин при составлении «Юридической памятки» напрямую ориентировался на уставы «Земли и Воли» и «Народной воли», в которых был зафиксирован кодекс поведения революционера. Однако нельзя не признать, что не отрефлексированная традиция не перечеркивает своей значимости при формировании поведенческой модели. Ориентация на революционные образцы в социальной практике диссидентов имела характер «родовой памяти»: А. Синявский и Ю. Даниэль, не признав на суде своей вины и использовав последнее слово для декларации неизменности гражданской позиции, действовали по аналогии с народовольцами, возможно не оценивая свой поступок как поведенческую цитату. Что же касается их адвокатов, то они сознательно использовали тактику защитников народовольцев. С. Ария вспоминал в 1991 г., что вместе с другими адвокатами (С. Каллистратовой и Д. Каминской) специально изучал материалы судов над народовольцами для определения линии защиты в «диссидентских» процессах 1960–1970-х гг. [16]. Последовательницей революционного поколения ощущала себя Л. Алексеева [17, р. 10, 13]. О влиянии революционных примеров на свое юношеское мировосприятие рассказывал В. Ша-

ламов [18, с. 94–95]. Безусловно, в массовом сознании либеральной интеллигенции проекция такого рода не могла быть полной и точной. Образы пламенных революционеров претерпевали влияние советского дискурса, акцентировавшего их героико-романтический ореол. Тем не менее канонические поведенческие модели задавали парадигму самоосмысления: позволяли нонконформистам «встроиться» в единый ряд передовой свободолюбивой интеллигенции предшествующего столетия, ощутить себя непосредственными участниками истории.

ДИНАМИКА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ А. ВОЛЬПИНА

Социокультурная идентичность А. Вольпина не была статичной. Творческое и профессиональное самоопределение первоначально моделировалось им по литературному образцу: он начинал как поэт. В 1949 г. за чтение среди знакомых стихов, признанных судом антисоветскими, он был помещен в психиатрическую больницу, а через год, в 1950 г., по решению Особого совещания, выслан в Карагандинскую область как социально опасный элемент. Примечательно, что этот эпизод можно признать поведенческой цитатой. Его дядя по материнской линии М. Вольпин был осужден вместе с Н. Эрдманом за басню, прочитанную В. Качаловым на одном из банкетов в Кремле, и получил 5 лет лагерей [19, с. 388]. Очевидно, что публичное чтение стихов сомнительного содержания, невзирая на семейный опыт, было осознанной поэтической акцией А. Вольпина.

Следующий «литературный» шаг он предпринял в 1959 г., повторив пример Б. Пастернака: передал за границу для публикации свои стихи и «Свободный философский трактат» и, подобно Б. Пастернаку, не считавшим нужным скрываться под псевдонимом. В 1961 г. книга «Весенний лист» была опубликована в США, что послужило поводом для очередного заключения автора в психиатрическую больницу. Как видим, свою возможную, но оставшуюся нереализованной литературную идентичность А. Воль-

пин моделировал по образцу свободомыслящего писателя, отстаивающего право на свободу творческого самовыражения. Для либеральной интеллигенции «оттепели» эта модель художественного поведения была типичной.

«Свободный философский трактат» выявляет потребность автора в самоидентификации — как независимого мыслителя, а также в обретении мировоззренческой основы — в различных философских учениях: рационализме, логическом позитивизме, экзистенциализме. Американский издатель в предисловии к книге прокомментировал это следующим образом: «...Всякая “система” — ложь, ибо она — закончена, приведена в порядок, систематизирована и пронумерована, а бытие, а жизнь — по самой своей природе — бесконечны» [20, с. 100]. Концептуальная несводимость к одной философской системе оценивается как интенсивный интеллектуальный поиск автора, не принимающего нормативности, ориентированного на непрерывный поиск личностного соответствия меняющемуся миру.

Сам А. Вольпин называл базовым основанием своей философии скептицизм. Отрицание абстрактных категорий, таких как «вера», «бог», «бессмертие», объяснялось им бездоказательностью данных понятий. Способом познания истины признавался научный диспут, при котором каждая из сторон выдвигает свою систему доказательств, используя в качестве инструмента логику, не прибегая к нечестным методам, вроде психологического давления или запугивания. Его аналог в политической жизни — дискуссия. Утверждение о том, что ни одно положение не может быть принято на веру и нуждается в доказательствах, органичное для логического позитивизма, порождает требование проверять все свои суждения на практике, будь они научными — в сфере математической логики или социальными — в области гражданского права.

Антропологические воззрения заимствованы из культуры Нового времени: человек обладает онтологическими сущностями — разумом, совестью, волей, а в поведенческой практике руководствуется абсолютными ценностями — стремлением к истине, правом, законом. Критерием нравственности видится соответствие поступков моральным основаниям: «Я против

моралистических норм, воспринимаемых как догмы, — в чем бы они ни состояли. Но есть естественные нормы, необоснованный отход от которых меня в большей или меньшей мере возмущает. Прежде всего, важно быть честным. Это значит: не врать и не становиться предателем. Иногда это требует мужества, которое надо иметь. Остальное — приложится» [20, с. 164]. Культ разума, унаследованный от классической философии, сочетался у А. Вольпина с культом личностной свободы в ее экзистенциальном варианте: «Ни государство, ни культура не должны иметь власти над убеждениями отдельных лиц!» [20, с. 168]; «... мы дорожим свободой, понимаемой как возможность выбора, вовсе не потому, что нам нравится выбирать (необходимость выбора бывает просто ужасна и почти всегда неприятна!), а потому, что желаем выбирать без принуждения» [20, с. 133]. Утверждая эти постулаты, А. Вольпин реализовывал их в личном и социальном поведении, идентифицировал себя как рационалиста и просветителя.

СПЕЦИФИКА ПРАВозащитной ПОЗИЦИИ А. ВОЛЬПИНА

Идентичность «правозащитник» имеет в самосознании А. Вольпина самобытную интерпретацию. Как отмечалось выше, ученый пришел к ней, применяя методичку математической логики к социальной реальности. Буквальный перенос категориального аппарата на поведенческую практику диссидентов определил специфику восприятия А. Вольпиным их действий. Отнюдь не все правозащитные акции были им поддержаны. В частности, он отказался участвовать в митинге против ареста А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, В. Лашковой и А. Добровольского, состоявшемся 22 января 1967 г. на Пушкинской площади, поскольку в том конкретном случае не считал введение дополнительных «антидиссидентских» статей УК антиконституционным актом, как заявляли в лозунгах В. Буковский, В. Делоне и Е. Кушев. Провозгласив «примат логики <...> над всеми формами жизни и смерти» [20, с. 69], он ни на шаг не отступал от этого принципа.

Впоследствии А. Вольпин выступал в качестве эксперта в сахаровском Комитете прав человека в СССР (1970–1972), но был противником использования правозащиты в политической борьбе с властью. В его личной аксиологии ценности просвещения стояли выше идеологического и политического противостояния, весьма значимого в коллективной аксиологии диссидентского сообщества. По справедливому замечанию О. Попова, главным содержанием правозащитной деятельности диссидентов в 1970-х гг. стала «систематическая дискредитация Советского государства путем противопоставления Конституции СССР, советских и международных законов практике советских правоохранительных органов. Результатом такой деятельности должен был стать подрыв веры советских граждан в “легитимность” Советского государства» [21]. А. Вольпин такой цели перед собой не ставил. Воспринимая государство как рационально мотивированного субъекта диалога, он рассчитывал путем логических доводов склонить власть к необходимости паритетных отношений с обществом.

Логика политической борьбы провоцировала антагонистов на поиск эффективных средств воздействия на противника. Власть использовала весь арсенал возможностей: от дискредитации правозащитного движения и его лидеров в средствах массовой информации до уголовного преследования. Диссиденты, утратив к 1970-м гг. надежды на массовую поддержку соотечественников, были вынуждены искать союзников за рубежом. Внимание иностранной общественности позволяло им, апеллируя к нормам международного права, использовать негативный резонанс преследования инакомыслящих для самозащиты. Кроме того, создание правозащитных комитетов (по аналогии с международными или их советских ответвлений) позволяло интегрироваться в зарубежные ассоциации («Международная амнистия», «Хельсинкская группа» и др.) и легитимировать статус структурированного общественного движения, способного играть роль политического субъекта, на международной арене. Реальная опасность оказаться пешкой в «холодной войне» не останавливала диссидентов.

А. Вольпин был индифферентен к привлечению зарубежных организаций для решения

внутриполитических проблем, не обращался к нормам международного права, поскольку был убежден в достаточности советского законодательства для реализации свобод гражданина. В его личной системе ценностей высоко стояла личностная самостоятельность, интеллектуальная свобода от влияния извне, от кого бы оно ни исходило — властных структур на родине или идеологов антикоммунизма за рубежом. Дистанцирование ученого от практик политической борьбы диссидентов, таким образом, имело аксиологические основания.

Благодаря идеям А. Вольпина правозащитная стратегия советских диссидентов обрела концептуальность. Несмотря на выявившиеся в практической реализации разногласия основателя и последователей, идеи ученого дали толчок формированию самого поведенческого типа «правозащитник». Апелляция к праву и закону постепенно превратилась в привычный риторический прием литературно-публицистических высказываний и социальных акций инакомыслящих.

В 1972 г. А. Вольпин был выслан из СССР и за рубежом продолжил не только профессиональную, но и правозащитную деятельность. В США, как рассказывает его шведская ученица, математик и правозащитница К. Хенникс, математические работы ученого поначалу взялось финансировать Центральное разведывательное управление США (ЦРУ), рассчитывая на продолжение им критики Советского Союза. Когда же вопреки ожиданиям он выявил нарушения прав человека и в американском обществе, финансирование было приостановлено и исследователям пришлось искать гранты в различных университетах и частных фондах [8].

В постсоветский период А. Вольпин получил возможность реализовать право въехать на родину, казавшееся в 1970-е гг. столь же трудно осуществимым, как и право на выезд из страны. Неоднократно посещая отечество в 1990–2000-х гг., он мог наблюдать рост общественного интереса к правозащитной идеологии, сотрудничество правозащитников с государственными структурами и активное участие в политических процессах, создание общественных организаций по защите прав человека.

Сегодня проблема соотношения политики и правозащиты не утратила актуальности. За-

явления о необходимости власти соблюдать права граждан звучат от чиновников как государственного, так и регионального уровня. В то же время в реестре некоммерческих организаций (НКО), имеющих статус иностранных агентов, зарегистрировано значительное количество правозащитных структур: Общероссийское общественное движение «За права человека», фонд «В защиту прав заключенных», фонд защиты гласности, общественная организация содействия соблюдению прав человека «Горячая линия» и многих других [22]. Государство вновь, как и в советские времена, политизирует правозащитное движение, диалог общества и власти приобретает конфликтный характер. В этих условиях место правозащитника «не во власти, а между человеком и властью <...> в роли щита и посредника» [23]. У современных последователей А. Есенина-Вольпина много работы.

Список источников

1. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР : новейший период. Москва : Московская Хельсинкская группа, 2012. 384 с.
2. Безбородов А.Б., Мейер М.М., Пивовар Е.И. Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 50-х–80-х годов : учеб. пособие для студентов по курсу отечественной истории новейшего времени. Москва : Ист.-арх. ин-т РГГУ, 1984. 154 с. (Новые учебные пособия по историческим дисциплинам).
3. Horvath R. The legacy of Soviet dissent: dissidents, democratisation and radical nationalism in Russia. London; New York: Routledge, 2012. pp. 55, 85, 155.
4. Gauer R. Soviet dissent: its sources and significance // Air University Review. 1973. Vol. 25, № 1. P. 45–53.
5. Даниэль А. Диссидентство: культура, ускользающая от определений? // Россия : Новая серия / Russia. Вып. 1 (9) : Семидесятые как предмет истории русской культуры : [Сб. ст.] / Ред.-сост. К.Ю. Рогов. Москва ; Венеция : Объед. гуманитар. изд-во, 1998. С. 111–124.
6. Dissent in the USSR : Politics, Ideology, and People / Ed. by R. Tökés. Baltimore, Johns Hopkins univ. press, 1975. 453 p.
7. Nathans B. The Dictatorship of Reason: Aleksandr Vol'pin and the Idea of Rights under «Developed Socialism» // Slavic Review. Vol. 66, № 4. 2007. P. 630–663.
8. Интервью с философом Александром Есениным-Вольпиным и его ученицей Кристор Хенникс. Беседу ведет Софья Корниенко // Радио Свобода. 11 июня 2007. URL: <https://www.svoboda.org/a/26163709.html> (дата обращения: 20. 12. 2019).
9. Козлов Д. Наследие «оттепели»: к вопросу об отношениях советской литературы и общества второй половины 1960-х годов // Новое литературное обозрение. 2014. № 1 (125). С. 183–204.
10. Памятка для не ожидающих допроса. Беседа с Александром Есениным-Вольпиным // Неприкосновенный запас. 2002. № 1 (21). С. 67–81.
11. Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой : [в 3 т.] Москва : Время, 2013. Т. 3. 608 с.
12. Пятое декабря 1965 года в воспоминаниях участников событий, материалах Самиздата, документах партийных и комсомольских организаций и в записках КГБ в ЦК КПСС / под ред. А. Даниэля (отв. ред.) и А. Рогинского. Москва : НИПЦ Мемориал, 1995. 95 с. URL: <http://old.memo.ru/history/diss/books/5dec/> (дата обращения: 11.02.2019).
13. УК РСФСР 1960 г. Выдержки и комментарии // Красноярское историко-просветительское и правозащитное общество «Мемориал» : офиц. сайт. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/601027.htm> (дата обращения: 10.12.2019).
14. Есенин-Вольпин А.С. Юридическая памятка // Антология самиздата : неподцензурная литература в СССР. 1950-е–1980-е / [сост. М.Ш. Барбакадзе] : в 3 т. Москва : Междунар. ин-т гуманитар.-полит. исслед., 2005. Т. 2. С. 70–76.
15. Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. Москва : Мысль, 1978. 335 с.
16. Заступница. Адвокат С.В. Каллистратова (1907–1989) / сост. и предисл. Е.Э. Печуро. Москва : Звенья, 1997. 351 с.
17. Alexeyeva L., Goldberg P. The Thaw Generation : Coming of Age in the Post-Stalin Era. Boston; Toronto; London : Little, Brown and Company, 1990. 339 p.
18. Шаламов В.Т. Четвертая Вологда // Собрание сочинений : в 4 т. Москва : Художественная литература ; Вагриус, 1998. Т. 4. С. 7–151.

19. *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания : к столетию со дня рождения / [подгот. текста Ю. Фрейдина]. Москва : Согласие, 1999. 552 с.
20. *Есенин-Вольпин А.С.* Свободный философский трактат // А.С. Есенин-Вольпин. Весенний лист = A leaf of spring / англ. пер. Дж. Риви. Нью-Йорк : Прегер, 1961. С. 110–173.
21. *Попов О.А.* Защитники прав человека или «агенты глобализма»? // Москва. 2004. № 1. URL: <https://public.wikireading.ru/40635> (дата обращения 11.10.2019).
22. Некоммерческие организации, выполняющие функции иностранного агента // РИА Новости : сетевое издание. 08.07.2019. URL: <http://www.ria.ru/20190708/1556321188.html> (дата обращения 11.10.2019).
23. *Юров А.Ю.* Тайны прав Человека и политики, или почему нормальное государство не может жить без правозащитников // Civitas.ru : сайт. URL: <https://www.old.civitas.ru/article.php?pop=1&code=100&year=2006> (дата обращения 11.10.2019).

The “Human Rights Activist” Identity in the Axiology and Social Practice of Alexander Esenin-Volpin

Elena G. Serebryakova

Voronezh State University, 1, Universitetskaya Sq.,
Voronezh, 394018, Russia
ORCID 0000-0002-5281-8192; SPIN 2777-8959
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

Abstract. *The object of the research is the social position and personal axiology of the poet, philosopher and mathematician Alexander Esenin-Volpin. From the second half of the 1960s to the mid-1980s, the human rights movement constituted the core of the Soviet dissidence, and an analysis of the personal axiology and social position of the movement founder permits to understand the specifics of collective identity and of the “human rights activist” behavior model. The purpose of this work is to identify the origins and specificity of the “human rights activist” behavioral pattern, which gradually replaced the “defender” model from nonconformist rhetoric and social practice, and to characterize the axiology and typology of human rights protection. The Legal Note and the Free Philosophical Tractate by Volpin served as the material for this study.*

The author claims that the “human rights activist” model of social behavior emerged in the practice of nonconformists during the Sinyavsky–Daniel trial. It differs from the “defender” model implemented by the liberal intelligentsia in the Brodsky case. The “defender” is guided by the absolute value of the

individual, invites the authorities to take into account personal characteristics of the defendant when sentencing, which means a selective approach to the law. For the “human rights activist”, the law is universal; compliance with the law not only by citizens, but also by the state is the guarantee of justice.

Volpin laid several theses on the basis of the ideology and axiology of human rights protection: the state is a subject of law, obliged not only to formulate laws for citizens, but also to comply with the prescribed norms itself; Soviet laws are designed to limit the dictates of the state and to protect the citizens; the citizens have legal rights to defend themselves against illegal actions of the state.

The first practical implementation of these ideas – the “glasnost meeting” – showed that the authorities were not prepared for the proposed model of behavior. However, the motivation of the meeting participants mostly fit into the “defender” paradigm; the human rights logic of action and rhetoric were adopted by the community gradually. The Legal Note was written by Volpin to educate nonconformists and popularize human rights ideas.

The article concludes that, thanks to Volpin’s activities, appealing to the rights and the law gradually became the usual rhetorical method in literary and journalistic statements and social actions of dissidents.

Key words: Alexander Esenin-Volpin, nonconformists, human rights movement, dissidents, “glasnost meeting”, Free Philosophical Tractate, Sinyavsky–Daniel trial, Legal Note (the second name is the Memo for Those Who Expect to Be Interrogated), sociocultural identity, culture of social communication, culture and personality.

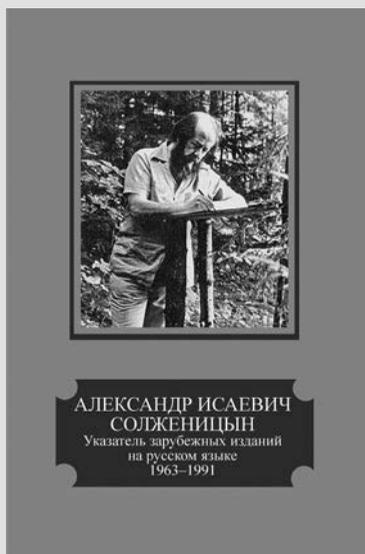
Citation: Serebryakova E.G. The “Human Rights Activist” Identity in the Axiology and Social Practice of Alexander Esenin-Volpin, *Observatory of Culture*, 2020, vol. 17, no. 1, pp. 48–60. DOI: 10.25281/2072-3156-2020-17-1-48-60.

References

1. Alekseeva L.M. *Istoriya inakomyслиya v SSSR: noveishii period* [History of Dissent in the USSR: The Latest Period]. Moscow, Moskovskaya Khel'sinskaya Gruppy Publ., 2012, 384 p.
2. Bezborodov A.B., Meier M.M., Pivovarov E.I. *Materialy po istorii dissidentskogo i pravozashchitnogo dvizheniya v SSSR 50-kh–80-kh godov: ucheb. posobie dlya studentov po kursu otechestvennoi istorii noveishego vremeni* [Materials on the History of the Dissident and Human Rights Movement in the USSR of the 50s–80s: textbook for students on the course of modern national history]. Moscow, Ist.-Arkh. In-t RGGU Publ., 1984, 154 p.
3. Horvath R. *The Legacy of Soviet Dissent: Dissidents, Democratisation and Radical Nationalism in Russia*. London, New York, Routledge Publ., 2012, pp. 55, 85, 155.
4. Gauer R. Soviet Dissent: Its Sources and Significance, *Air University Review*, 1973, vol. 25, issue 1, pp. 45–53.
5. Daniel A. Dissidence: A Culture That Eludes Definitions? *Rossiya: Novaya seriya* [Russia: A New Series]. Moscow, Venice, Ob'edinennoe Gumanitarno-Politicheskikh Issledovaniy Publ., 1998, pp. 111–124 (in Russ.).
6. Tökés R. (ed.) *Dissent in the USSR: Politics, Ideology, and People*. Baltimore, Johns Hopkins Univ. Press Publ., 1975, 453 p.
7. Nathans V. The Dictatorship of Reason: Aleksandr Vol'pin and the Idea of Rights under “Developed Socialism”, *Slavic Review*, vol. 66, no. 4, 2007, pp. 630–663.
8. Interview with the Philosopher Alexander Esenin-Volpin and his Student Kristor Hennix. The Conversation Is Led by Sophia Kornienko, *Radio Svoboda* [Radio Liberty], June 11, 2007. Available at: <https://www.svoboda.org/a/26163709.html> (accessed 20.12.2019) (in Russ.).
9. Kozlov D. The Heritage of the Thaw: On the Relationship between Soviet Literature and Society in the Second Half of the 1960s, *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2014, no. 1 (125), pp. 183–204 (in Russ.).
10. The Memo for Those Who Do Not Expect to Be Interrogated. A Conversation with Alexander Esenin-Volpin, *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency Reserve], 2002, no. 1 (21), pp. 67–81 (in Russ.).
11. Chukovskaya L.K. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi* [Notes on Anna Akhmatova]. Moscow, Vremya Publ., 2013, vol. 3, 608 p.
12. Daniel A. (ed.) *Pyatoe dekabrya 1965 goda v vospominaniyakh uchastnikov sobytiy, materialakh Samizdata, dokumentakh partiinykh i komsomol'skikh organizatsii i v zapiskakh KGB v TsK KPSS* [The Fifth of December 1965 in the Memoirs of the Participants of Events, the Materials of Samizdat, the Documents of Party and Komsomol Organizations, and in the KGB Notes in the CPSU Central Committee]. Moscow, NIPTs Memorial Publ., 1995, 95 p. Available at: <http://old.memo.ru/history/diss/books/5dec/> (accessed 11.02.2019).
13. Criminal Code of the RSFSR 1960. Excerpts and Comments, *Krasnoyarskoe istoriko-prosvetitel'skoe i pravozashchitnoe obshchestvo “Memorial”: ofits. sait* [Krasnoyarsk Historical, Educational and Human Rights Society “Memorial”: official website]. Available at: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/601027.htm> (accessed 10.12.2019) (in Russ.).
14. Esenin-Volpin A.S. Legal Note, *Antologiya samizdata: nepodtsenzurnaya literatura v SSSR. 1950-e–1980-e* [Anthology of Samizdat. Uncensored Literature in the USSR. 1950s–1980s]. Moscow, Mezhdunarodnyi Institut Gumanitarno-Politicheskikh Issledovaniy Publ., 2005, vol. 2, pp. 70–76 (in Russ.).
15. Troitsky N.A. *Bezumstvo khrabrykh. Russkie revolyutsionery i karatel'naya politika tsarizma 1866–1882 gg.* [Madness of the Brave. Russian Revolutionaries and the Tsarist Punitive Policy of 1866–1882]. Moscow, Mysl' Publ., 1978, 335 p.
16. Pechuro E.E. (ed.) *Zastupnitsa. Advokat S.V. Kallistratova (1907–1989)* [The Advocate: Lawyer S.V. Kallistratova: (1907–1989)]. Moscow, Zven'ya Publ., 1997, 351 p.
17. Alexeyeva L., Goldberg P. *The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era*. Boston, Toronto, London, Little, Brown and Company Publ., 1990, 339 p.
18. Shalamov V.T. The Fourth Vologda, *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected Works: in 4 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., Vagrius Publ., 1998, vol. 4, pp. 7–151 (in Russ.).

19. Mandelstam N.Ya. *Vospominaniya: k stoletiyu so dnya rozhdeniya* [Memories: To the Centenary of the Birth]. Moscow, Soglasie Publ., 1999, 552 p.
20. Esenin-Volpin A.S. Free Philosophical Tractate, *A.S. Esenin-Vol'pin. Vesennii list* [A.S. Esenin-Volpin. A Leaf of Spring]. New York, Preger Publ., 1961, pp. 110–173 (in Russ.).
21. Popov O.A. *Zashchitniki prav cheloveka ili "agenty globalizma"?* [Human Rights Defenders or "Agents of Globalism"?]. Moscow, 2004, no. 1. Available at: <https://public.wikireading.ru/40635> (accessed 11.10.2019).
22. Non-Profit Organizations Performing the Functions of a Foreign Agent, *RIA Novosti: setevoe izdanie* [RIA News: online edition], 08.07.2019. Available at: <http://www.ria.ru/20190708/1556321188.html> (accessed 11.10.2019) (in Russ.).
23. Yurov A.Yu. Secrets of Human Rights and Politics, or Why a Normal State Cannot Live without Human Rights Defenders, *Civitas.ru: website*. Available at: <https://www.old.civitas.ru/article.php?pop=1&code=100&year=2006> (accessed 11.10.2019) (in Russ.).

НОВОЕ ИЗДАНИЕ

Александр Исаевич Солженицын (1918–2008). Жизнь и творчество : указатель зарубежных изданий на русском языке, 1963–1991 / сост.: Н.Ю. Бутина, Н.Н. Носов. Москва : Пашков дом, 2019.

Библиографический указатель подготовлен в рамках юбилейных мероприятий, посвященных 100-летию со дня рождения Александра Исаевича Солженицына. В него включены сведения о зарубежных русскоязычных книжных публикациях произведений самого писателя и изданий, посвященных его жизни и творчеству, с 1963 по 1991 год. Это — «Книги на русском языке, изданные за рубежом, 1927—1991» — наиболее полный библиографический свод книжных изданий за период, когда А.И. Солженицын в силу идеологических причин утратил возможность легально публиковаться и выступать на Родине, объективные публикации о нем в СССР были невозможны, вся его творческая и издательская деятельность проходила за пределами

нашей страны. Издание подготовлено на основе библиографической базы данных «Книги на русском языке, изданные за рубежом, 1927—1991», которую формирует НИО библиографии. Дополнительно были исследованы фонды и каталоги крупнейших библиотек России и национальных библиотек Австралии, Великобритании, Германии, Израиля, Канады, Польши, США, Франции и Чехии. Указатель предназначен для широкого круга пользователей: библиографов, литературоведов, историков и почитателей творчества Александра Исаевича Солженицына.

Справки и заказ изданий: 119019, Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5
Российская государственная библиотека,
Издательство «Пашков дом», отдел книжных изданий
Pashkov_Dom@rsl.ru, Pashkov_Dom.Book@rsl.ru
http://store.rsl.ru/service/pashkov_dom
+7 (499) 557-04-70, доб. 25-72